

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Криминологическая характеристика личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии»

Студент

Ю.В. Кожемяко

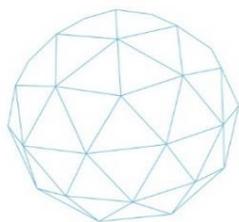
(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

С.В. Кондратюк

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Работа посвящена проблемам формирования путей повышения эффективности предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения, а также списка используемой литературы и используемых источников.

Введение посвящено обоснованию актуальности криминологической характеристики личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, определению цели и задач исследования, объекта и предмета.

Первая глава посвящена понятию личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, формированию системы элементов о типологии личности современного преступника, лидера преступного сообщества, а также выявлению и обоснованию детерминант преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Во второй главе сформированы общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения преступности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Кроме того, предложены изменения, направлены на совершенствование уголовно-правового предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Заключение предполагает краткое подведение итогов выпускной квалификационной работы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Личность преступника в криминологической науке	7
1.1 Понятие и особенности личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии	7
1.2 Типология личности современного преступника, лидера преступного сообщества.....	13
1.3 Детерминанты преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	19
Глава 2 Предупреждение преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	26
2.1 Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения преступности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	26
2.2 Пути повышения эффективности предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	38
Заключение	50
Список используемой литературы и используемых источников	53

Введение

Актуальность темы исследования. Столь «эффективной» деятельность организованной преступности не могла бы быть без лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, которое играет консолидирующую роль в организации преступной деятельности и её осуществлении.

Значение криминологической характеристики определяется тем, что такая характеристика позволяет выявить своеобразие названных субъектов, определить детерминанты их преступной деятельности, и, исходя из этого, обеспечить совершенствование в корреляции с выявленными, научно обоснованными и эмпирически исследованными параметрами, предупреждения совершения преступлений.

Уголовное законодательство в вопросе об ответственности за организацию и членство в преступных сообществах и организациях в последние годы менялось кардинальным образом. Также была введена статья, превратившая сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии в преступление. Формулировка такого субъекта преступления однозначно будет сталкиваться с трудностями. Тем более, новый состав не перечисляет действий, образующих состав преступления. В таком контексте становится более значимой и криминологическая характеристика соответствующего лица. Все сказанное обуславливает актуальность темы исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Предупреждение организованной преступности, совершения преступлений отдельными лицами, в том числе и теми, которые в структуре преступной иерархии занимают более высокие места, исторически интересуют научное сообщество. Этим вопросам посвящен ряд работ. В настоящем исследовании были использованы труды таких авторов, как: Анфиногенов В.А., Громов В.Г.,

Метелев А.В., Сухов С.В., Тирских А.А., Трунцевский Ю.В., Федореев П.Р., Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е., Яковлев Н.А. и др.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Предметом исследования являются теоретические положения науки уголовного права об ответственности лиц занимающих высшее положение в преступной иерархии, преступных лидеров, следственная и судебная практика, материалы правоохранительных органов.

Целью исследования является комплексное исследование личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие основные **задачи:**

- проанализировать понятие личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии и выявить его особенности;
- рассмотреть типологию личности современного преступника, лидера преступного сообщества;
- сформировать систему детерминант преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии;
- рассмотреть общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии;
- сформировать пути повышения эффективности предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Методология и методика исследования. Цель исследования достигалась при помощи комплекса общенаучных и специально-научных методов, среди которых: сравнительно-правовой, диалектический, системно-структурный, формально-юридический и др.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых о лицах, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Нормативную базу исследования составили такие элементы, как: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы и нормативные акты.

Научная новизна исследования состоит в комплексном систематизированном исследовании элементов криминологической характеристики личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии и разработке на этой основе направлений по совершенствованию мер предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Структуру работы определили цели и задачи. В работу включены такие элементы, как: введение, две главы, в состав которых входит пять параграфов, заключение, а также список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Личность преступника в криминологической науке

1.1 Понятие и особенности личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии

Личность на современном этапе характеризуется повышенным интересом в науке. Необходимо обратить внимание на некоторые общие аспекты понимания этой категории, чтобы прийти к однозначным выводам о том, что следует понимать под личностью лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

В русском языке слово «личность» имеет множество трактовок. Если обратиться к наиболее универсальной, следует понимать под личностью человека, носителя свойств, положенных в основу индивидуальности каждого [67, с. 95].

Очень важно понимание личности в психологии. Так, в психологической науке под ней обычно понимают «понятие, обозначающее совокупность устойчивых психологических качеств человека, составляющих его индивидуальность» [67, с. 99]. Личность должна обеспечивать дачу характеристики человека с позиции общественных связей и отношений.

А.Н. Леонтьев приходит к выводу, что личность – «сверхчувственное» образование, потому что «...связи и отношения с другими людьми составляют особого рода реальность, недоступную непосредственному восприятию, предполагающую для своего понимания использование познавательных возможностей мышления, разума человека» [33, с. 124]. Из такого понимания вытекает вполне логичное объяснение значения по содержанию понятия «личность» в психологии. Так, речь идет об особом способе существования человека, выступающего как член общества, как представитель той или иной социальной группы.

Б.Д. Парыгин полагает, что чрезмерной психологизации понятия личности просто быть не может, так как данная категория должна изучаться в

первую очередь в пределах психологии. В называемом смысле психологизация заключается в попытке оценивать её как некий объем психических свойств, состояний и процессов без их привязки к генезису, отношениям, социальному положению и иным параметрам. В то же время, социализация только одностороннего характера должна представлять собой сведение личности к социальному положению, формальной совокупности отношений и функций с точки зрения социального характера. Поэтому, как предполагается, социологизация вполне может приводить к ограничению познания [40, с. 16].

Достаточно предметным образом такая категория, как личность, разработана в философской науке. Если обобщить разные позиции, то в философском смысле личность можно свести к целостному человеку в единстве индивидуальных способностей и выполняемых им социальных функций. Сказанное означает, что личность должна рассматриваться не только с учетом биологических начал, но и социальных.

Психологические, социальные, философские и иные аспекты о личности были развиты в юридической науке, особенно в науках криминальной группы. В таком контексте «личность» имеет связь не с одной, а сразу с комплексом терминологических категорий, среди которых могут быть названы такие, как: «личность преступника», «личность правонарушителя», «личность потерпевшего», «личность очевидца» и др. Но наиболее часто авторы оперируют такой категорией, как «личность преступника» [67, с. 97].

В правовых науках, если крайне узко подходить к пониманию личности преступника, личность преступника – это человек, который совершает или уже совершил преступление. В таком смысле речь идет скорее о деятельностном аспекте. Но правовые науки остро нуждаются в намного более глубокой разработке личности. В противном случае, выявить особенности личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, будет крайне проблематично.

Личность преступника является понятием, по поводу которого высказываются разнообразные суждения. Достаточно справедливо в межотраслевом значении утверждение Г.М. Миньковского, который отмечает, что «... не может быть криминологического, уголовно-правового, процессуального, уголовно-исполнительного, психологического, криминалистического понятия личности преступника, есть соответствующие предмету названных наук взаимосвязанные аспекты единого понятия» [36, с. 202].

Ю.М. Антонян предлагает одно из таких определений понятия «личность преступника»: «совокупность психологических социально значимых негативных свойств психики человека, развившихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми» [3, с. 67].

П.С. Дагель приводит такое достаточно обоснованное понимание: «это совокупность социально политических, психических и физических признаков лица, совершившего преступление, имеющая уголовно-правовое значение» [17, с. 61]. Хотя это определение относится в большей степени к уголовно-правовой науке, невозможно выявить особенности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, если не иметь представления о личности преступника не только в криминологии, но и в других науках.

Оценив обозначенные выше подходы, не ставится цель вывести единое понятие личности преступника в общем виде. Перечисление таких подходов важно, так как позволяет назвать предназначение криминологического понимания личности преступника – личность преступника в криминологии преследует цель по изучению выбора способов воздействия на такую личность и обнаружение причин совершения соответствующим лицом совершения преступлений. Как результат, в каждом конкретном случае будет удаваться сформировать систему мер к предотвращению совершения преступлений рассматриваемым субъектом. На все эти элементы внимание будет обращено далее в исследовании.

Особенности личности лица, которому удалось в преступной иерархии занять определенное высокое место, как представляется, могут быть выявлены только при обеспечении однозначного понимания понятия такой личности, хотя бы в ориентирующем значении.

Довольно проблематично давать понятие, не имея представления об этом лице, как о субъекте соответствующего преступления, предусмотренного уголовным законодательством. Но обращение к российскому законодательству, как и зарубежной практике, не обнаруживает легального подхода к этому вопросу, который бы не был достаточно противоречивым. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, не было достаточно точно разъяснено и Верховным Судом РФ.

Отдельные авторы полагают, что это понятие не должно иметь законодательного раскрытия, исходя из специфики правоприменительной практики [48, с. 24]. Нет оснований с ними соглашаться, так как разнообразие здесь может быть преодолено при разработке вопроса в типологии. Так как лицо, интегрированное в преступную иерархию на высших её ступенях, как категория представляет межотраслевой интерес, наличие легального подхода в этой сфере обеспечило бы ориентир для других наук, упростив в том числе и криминологическое изучение такой личности. Правильно указывает Т.В. Стукалова, что «... необходимо учитывать опасность отсутствия единого определения и толкования указанного словосочетания. Необходимо учитывать, что, во-первых, в деятельности судей судов общей юрисдикции не исключены юридические ошибки, и, во-вторых, в целях обеспечения единства правоприменительной практики в сфере борьбы с организованной преступностью необходимо выработать единый законодательный подход к рассматриваемому термину, и отразить нормативное определение рассматриваемого понятия в качестве приложения к статье 210.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации» [54].

Потенциальная ценность более точно оценить криминологическую характеристику лица может быть обнаружена еще в одном аспекте. Личность

преступника в отношении организованной группы должна разрабатываться, в том числе исходя из типа «криминальной должности». Но в отсутствие законодательного понимания вопроса, непонятно, какие конкретно «криминальные должности» с точки зрения родовых характеристик могут относиться к высшему положению в преступном мире: «вор в законе», «авторитет», «положенец», «смотрящий» и др.

Часть авторов полагает, что действия перечисленных выше «криминальных должностей» и некоторых других субъектов связаны с приобретением определенного криминального статуса [38, с. 788]. Даже приобретение этого статуса может свидетельствовать о разной типологии преступников, а значит в целом о разных криминологических характеристиках.

Среди сотрудников Управления Министерства внутренних дел России по городу Нижнему Новгороду был проведен социологический вопрос. Респондентам задавался следующий вопрос: «Как Вам кажется, под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, какие криминальные должности должны пониматься?». Около 90% сотрудников полагают, что: «вора в законе», «положенца», «смотрящего». Ими же отдельно отмечается, что такие «криминальные должности» являются не просто формально провозглашенными «должностями», преступные элементы в действительности используют их для того, чтобы оказывать влияние в структуре организованных преступных группировок и преступных сообществ (преступных организаций), в том числе и для того, чтобы направлять деятельность таковых [54]. В каждом из названных случаев, которые, более того, в рассматриваемом контексте не являются исчерпывающими, имеют место свои особенности личности преступника, что требует изменения и мер предупреждения.

С.И. Муравьев предложил такое понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии: «Под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в статьях настоящего Кодекса понимается

член преступной иерархии, наделённый соответствующим статусом в результате специальной неформальной процедуры, признаваемый в качестве носителя данного статуса другими членами преступной иерархии, обладающий неформальными властными полномочиями по отношению к ним» [38, с. 790]. С ним не соглашается Т. В. Стулакова, считая, что «... поскольку словосочетания «неформальная процедура», «неформальные властные полномочия» слишком широкие понятия (синоним неформальный – неофициальный, ненормативный)» [54]. Следует склониться ко второй позиции, и понимать под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии такое лицо, «которое приобрело высокий преступный статус, безоговорочно признаваемый иными членами преступной среды, имеющее при этом авторитет в преступной среде; данное лицо осуществляет управление преступной группой и (или) преступным сообществом (преступной организацией), организует деятельность данных образований, в том числе на основе «законов» преступного мира, методов деятельности преступной среды».

Дополняя это понятие, следует сказать, что речь идет об участнике преступного мира, у которого выработались устойчивые негативные нравственно-психологические свойства и качества, фактически ставшие «паттернами» поведения, определяющими степень и характер опасности отдельно взятой личности, место и роль в преступной иерархии. Тот факт, что данный субъект занимает высшее место в преступной иерархии, прямо коррелирует с нравственно-психологическими качествами и свойствами лица, так как они не являются врожденными, а трансформируются в процессе изменения положения лица в указанной иерархии. Этим и определяются особенности личности преступника, который на начальном этапе обладает универсальными для определенных типов преступников признаками, а затем они только усиливаются и изменяются в ходе занятия все более высоких место в преступной иерархии. Более подробно судить о том, какими являются этими особенности по содержанию, как представляется, можно посредством

обращения к типологии личности современного преступника, лидера преступного сообщества

1.2 Типология личности современного преступника, лидера преступного сообщества

Характерная специфика типологии личности преступника может быть искомая в предмете познания – не такое явление, как преступность; не отдельно взятое преступление, а первично единство свойств и признаков, обуславливаемых объективными условиями. Как утверждает В.Н. Косарев, «Типология проникает в сущность самой личности преступника, но при этом её интересует именно типичное. Она связана с изучением таких свойств личности, как сознание и психика, темперамент, эмоции, воля, навыки, умения, привычки, направленность, установка, потребности. На этой основе и определяются отличные друг от друга типы личностей» [28, с. 91].

В криминологической литературе выделилось достаточно большое количество вариантов типологии личности. Многие из вариантов практикоориентированы. Более часто встречаются такого рода типологии, в основу которых положены личностно-мотивационные параметры. Как категория, представляющая межотраслевой интерес, в криминологии мотив рассматривается как сам смысл деятельности человека, с максимальной степенью достоверности характеризующий личность и черты этой личности.

Если использовать мотив как критерий для выделения типологии, то можно назвать такие типы личности преступника: «корыстный – преступление совершается ради наживы; престижный – встречается особенно среди несовершеннолетних преступников, ведущий мотив – самоутверждение; «игровой» - совершение преступления является продолжением игры; насильственный – совершение преступлений с помощью насилия, когда его применение является не обязательным для достижения цели; «сексуальный» - совершение преступлений на половой почве» [50, с. 44]. Для

рассматриваемого субъекта чаще всего является характерным ведущий мотив, корыстный мотив и т.д.

Лидер преступного сообщества может отличаться и по степени общественной опасности личности, что дает возможность вести речь о разных типах личности, среди которых:

- тип, для которого характерно негативно-пренебрежительное отношение к человеческой личности (изнасилования, телесные повреждения, убийства и пр.);
- особо опасные преступники, признаваемые такими в связи с неоднократностью судимости;
- профессиональный тип личности, что выявляется по устойчивой преступной направленности;
- привычный тип отличен деформацией лица в структуре социальной направленности;
- случайный тип [50, с. 45].

Два последних типа фактически не могут характеризовать лидера преступного сообщества, а вот два первых, более чем. Чтобы понять, что осужденные по ст. 210¹ УК РФ обычно являются особо опасными преступниками, можно привести доводы о первом осужденном в России по этой статье: «Озманов имеет уголовный статус так называемого вора в законе и занимает высшее положение в преступной иерархии... преступники, имеющие более низкий криминальный статус, согласно существующим негласным нормам и правилам, «обязаны подчиняться его воле, указаниям и распоряжениям» ... пользуется у лиц, придерживающихся криминальной идеологии, безоговорочным авторитетом и имеет сферу своего влияния на территории Московского региона и Краснодарского края» [37]. Дополняя данные выдержки о характеристике лица еще тем фактом, что ранее осужденный уже был неоднократно судим, то есть, фактически речь идет о рецидивисте, вполне можно причислить его к особо опасным преступникам.

Материалы практики показывают, что многие преступные сообщества создаются и совершают преступления на протяжении продолжительного временного отрезка. То есть, фактически совершение преступлений становится для них неким промыслом, а значит, «профессиональной» деятельностью. Это позволяет говорить о характерности и второго типа личности лидера преступного сообщества – профессионального типа.

Е.В. Рыженкова приводит типы личности преступника, используя для классификации такой критерий, как характер антисоциальной направленности и ценных ориентаций:

- тип, для которого характерно негативно-пренебрежительное отношение к человеческой личности (изнасилования, телесные повреждения, убийства и пр.). Данный элемент, как можно понять в сравнении с другими авторскими классификациями, разные авторы используют практически в той же формулировке и в идентичном содержании;
- корыстно-частнообладательский тип личности (кражи, грабежи, взяточничество, мошенничество и пр.);
- индивидуалистически-анархический тип личности преступника, отличающийся социальными установлениями преступного характера (дезертирств, неисполнение приказа и др.);
- легкомысленно-безответственное отношение к установившимся в обществе социальным ценностям также можно рассматривать как самостоятельный тип личности [50, с. 47].

По очевидным причинам, лидеры преступного сообщества не могут быть причислены к типу преступников, которые совершают неосторожные преступления, как и индивидуалистически-анархическому типу. Чаще такие лица являются корыстно-частнообладательским типом преступника, но имеет место и негативно-пренебрежительный тип. Упомянув опять-таки приведенный ранее пример о первом осужденном в РФ по ст. 210¹ УК РФ, можно привести его и как пример негативно-пренебрежительного типа

личности: «Озманов на автомойке выстрелил из незаконно приобретенного неустановленного огнестрельного оружия с самодельным стволом в администратора и ранил его в бедро» [11].

Типология личности современного преступника, лидера преступного сообщества может быть существенно расширена, так как ряд авторов предлагает свои подходы к этому вопросу. Те типы, которые были обозначены, наиболее распространены и универсальны, они показывают общий контекст и специфику рассматриваемого преступника. Типология лидера преступного сообщества довольно устойчива – есть такие типы преступника, которые в принципе не могут быть характерными для лидера преступного сообщества, как и такие, которые обычно всецело соответствуют типу личности лидера преступного сообщества. Но более содержательным образом о типе личности преступника можно судить в привязке к структуре личности.

Применительно к типологии личности оценивается в основном мотивация и направленность, личностная антиобщественная установка. Если же обращаться к структуре личности преступника, правильно будет вести речь о трёх группах признаков: общие, особые, индивидуальные. Рассматривая эти признаки в общем и частном виде, можно отвечать на вопросы, «... из чего в целом складывается личность преступника, а также определить, какие характеризующие преступника свойства образуют в своей совокупности эту личность, какова структура данной совокупности» [28, с. 89].

Общеизвестно, что главными признаками, отличающими любую личность по группе признаков, являются такие, как: физические и психические признаки. В.Н. Косарев в криминологических интересах приводит достаточно развернутый их перечень: «К физическим признакам относят: пол, возраст, степень физического развития, состояние здоровья. Психические признаки делятся на две группы: чувственные (эмоциональные) и рассудочные (интеллектуально-волевые). К чувственным относят: темперамент (тип нервной системы), эмоциональную возбудимость, способность к

сопереживанию и др. К рассудочным – уровень умственного развития, кругозор, интересы, мотивы, волю, способность принимать решения, целеустремленность и др.» [28, с. 92].

Социальная аспект в структуре личности также состоит из двух групп признаков: юридических признаков и демократических. Среди наиболее характерных примеров юридических признаков могут быть названы такие: правоспособность, роль в преступной группе, судимость и рецидив, кратность совершения преступлений, отбывание наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы и т.д. Среди демографических показателей чаще всего используемыми в криминологических интересах могут быть названы такие признаки, как: место рождения, место жительства, образование, профессия, семейное положение, национальность и пр.

Признаки личности преступника, лидера преступного сообщества могут быть сформированы посредством такого перечня:

- возраст: более 30% старше 40 лет;
- семейное положение: более 36% не состоят в браке, в среднем 50% имеют состоят в браке, имеют детей, сохраняя семью в том числе и при отбывании уголовных наказаний;
- образовательный уровень: достаточный удельный вес имеет высшее образование – более 45%; меньшее количество не имеют образование или имеют начальное образование – не более 20%;
- психологические признаки: более 80% лидеров преступных групп преследуют корыстные мотивы; социальные мотивы практически не преобладают над биологическими не более 10% разрыва;
- темперамент: сангвиник – 54,5 %; флегматик – 27,3; холерик – 18,2 % (на основе данных). Примечательно, что ни один лидер преступной сообщества, как и в принципе член преступного сообщества, по данным проведенного указанным автором социологического исследования, не обладает меланхолическим типом темперамента [11, с. 24];

- по квалификации и категории преступления называется такой параметр, как осуждение по совокупности за совершение иных преступлений. Хотя количество приговоров по ст. 210¹ УК РФ сложно назвать достаточно численным показателем, опыт показывает, что чаще по ней осуждаются лица при совершении других преступлений, а после в ходе следствия начинаются обнаруживаться иные преступления;
- судимость: более 27% имеют одну судимость, в среднем 13% имеют две судимости; имеющих три судимости лиц не более 6%.

По результатам обобщенных данных, наиболее типичными свойствами лидера преступного сообщества являются следующие: возраст в среднем 35 лет; чаще имеют семью и высокий образовательный уровень; трудоспособны, что касается социальных показателей. О психологических показателях можно сказать следующее: наличие слабых, высших мотивов; небольшой вес моральных убеждений; действенные, устойчивые, непосредственные, поверхностные, сильные, материальные интересы; социальные ориентации; предметно-практические умения; социальные привычки и установки; сангвинистический тип темперамента.

Оценка перечней признаков о структуре личности позволил сказать, что структура и типология личности в преступном контексте достаточно связаны. Вся группа свойств человека может быть размещена в пределах всего двух количественно наполненных подструктур: биопсихологическая определяет индивидуальность; социальная – определяется социальными ролями и опытом деятельности. Если вести речь о личности преступника, непременно следует вести речь и о криминологическом подуровне. Оценка мотивации и направленности личности лидера преступного сообщества, его личностная антиобщественная установка могут сыграть решающую роль в предупреждении совершения преступлений преступной группой. Но не будет преувеличением сказать, что о личности лидера преступной группы должны оцениваться все те параметры, которые могут быть оценены по типу личности

и структуре личности, так как вероятность их использования для предупреждения преступлений достаточно высока.

1.3 Детерминанты преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

Рассматривая причины преступлений, их обычно делят на несколько групп обстоятельств: «обстоятельства формирования личности (антиобщественная установка) и обстоятельства внешнего материального мира (конкретная жизненная ситуация), которые влияют на лицо в процессе выбора ею преступного поведения» [11, с. 25].

Называемые выше обстоятельства не имеют прямой связи к совершению преступления, потому что они его не вызывают как явления. Тем не менее, эти же обстоятельства должны оцениваться как условия совершения преступлений лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Поэтому при формулировании системы «детерминант», ошибочно было бы причислять к сущностным характеристикам гносеологические характеристики – неизбежность, необходимость, закономерность причин и условий, так как, по сути своей, гносеологические характеристики лишь способствуют совершению преступления. Они как бы засвидетельствуют то, каким именно образом может быть оценено наличие или отсутствие связи между разнородными явлениями. Н.Н. Ярмиш, как и ряд других авторов, поддерживают эту позицию [74, с. 339].

Достаточно важным значением обладает обстоятельство, связанное с тем, что в социальных явлениях причина не должна расцениваться как неизбежность в виде линейной зависимости, так как во всех случаях причина обладает вероятным характером.

Н.Ф. Кузнецова выражает интересную позицию в рассматриваемом вопросе: «... в детерминантах преступности необходимо различать

социальные явления, что ее порождают и осуществляют неблагоприятные изменения состояния и динамики» [32, с. 120].

А.П. Закалючик называет детерминанты каждого общественного феномена, оттеняя их главные характеристики: «... детерминанты любого общественного феномена являются сложными, многоуровневыми, комплексными, касаются значительного количества общественных отношений, процессов, которые являются предметом многих общественных наук» [49, с. 25]. Данная позиция с достаточной степенью уверенности убеждает в том, что детерминация преступности – это совокупность фактов, явлений, проявлений, процессов, с которыми она связана и которыми обуславливается. Идентичные правила распространяются на лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

По мнению Л.Ф. Гула, «Детерминация – это форма направленной связи, когда один объект определяет другой, возможно, еще не обуславливает и тем более не вызывает его, но между ними есть детерминистическая зависимость» [15, с. 31]. Благодаря этому определению автора можно обнаружить в количественном выражении причин и условий преступности некую их целостность – являясь криминогенными детерминантами две данных группы элементов составляют собой целостную совокупность компонентов – единую систему. Причины и условия корыстных, насильственных, экономических и других преступлений показывают, что лица, занимающие в преступной иерархии высшее положение, обычно совершают не какое-то отдельное преступление, а сразу несколько, хотя этот процесс чаще и растянут во времени, так как такие лица отличаются устойчивым криминальным поведением, что предполагает постоянную вовлеченность в преступный мир.

Н.Ф. Кузнецова понимает под причинами «те социальные явления, которые в бинарной связи порождают и воссоздают преступность и преступления как свое закономерное следствие». Автор дополняет эту позицию: «такие явления, которые сами не порождают преступность и преступления, а способствуют, облегчают, интенсифицируют: формирование

и действие причины. Это разнообразные явления, процессы, обстоятельства, которые способствуют или создают возможность возникновения и проявления причины, которая порождает следствие» [30, с. 42].

Причина совершаемого преступления, как, впрочем, любого поступка человека, отличается дискретностью. Переходя в следствие, причина утрачивает такое свое значение, так как она более не является самостоятельной.

В.М. Кудрявцев обособляет три самостоятельных уровня преступности, которые могут быть применены и к рассматриваемому вопросу: общесоциальный уровень, групповой уровень, индивидуальный уровень [31, с. 92]. Такой подход вполне универсален и может быть успешно адаптирован к каждому виду преступника.

Перенося общепринятую модель на специального субъекта, важно обращать внимание и на специальные параметры. Адресно о детерминантах говорит А.М. Царегородцев, отмечая такие факторы, которые обуславливают предупредительную деятельность по отношению к деятельности организованных преступных групп [59, с. 44]. С учетом некоторых принципиальных особенностей, можно использовать такую модель и в вопросе оценки системы детерминант в отношении лиц в преступной иерархии, имеющих высшее положение в ней.

С учетом положений модели А.М. Царегородцева, к первой группе факторов могут быть причислены нижеследующие элементы:

- демографические факторы (миграция, мобильность населения, урбанизация и пр.);
- экономические факторы (безработица, низкий доход и пр.);
- социально-психологические факторы (социальные формы контроля, применяемые как традиционные, утрачивают свою значимость под воздействием комплекса других факторов).

Вторая группа имеет сложную структуру, так как состоит сразу из правовых и организационных факторов. Среди правовых факторов называют следующие:

- обеспечение совершенствования уголовного законодательства, за преступления, совершаемые группой лиц и при соучастии;
- минимизация пробелов в законах об ответственности участников преступных групп и по ст. 210¹ УК РФ, в частности;
- обеспечение эффективного применения уголовно-правовых норм о групповых преступлениях, а также по ст. 210¹ УК РФ и др.

К организационным могут быть отнесены нижеследующие:

- недостаточно высокие показатели раскрываемости групповых преступлений;
- некачественная система исполнения наказаний, что не позволяет реализовать в отношении осужденных все цели уголовного наказания и обеспечить отказ ряда личностей от устойчивого криминального поведения.

Существуют достаточно большое количество подходов к классификации детерминант. Многие из них оцениваются в науке как общие, особенно когда указывается на детерминанты организованной преступности. Например, по сфере возникновения и функционирования можно назвать сразу шесть самостоятельных групп детерминант:

- правовые;
- социально-экономические;
- политико-идеологические;
- организационно-управленческие;
- социально-психологические;
- детерминанты, которые имеют связь с недостатками судебной следственной деятельности.

Россия характеризуется нестабильной обстановкой в экономике. Подъемы регулярно сменяются кризисными явлениями, как это было в 2000-х

гг., в 2008 г., в 2014 г., вероятно, и в ближайшие годы создается подобная угроза [69, с. 70]. Сложная экономическая обстановка в стране – это всегда увеличение количества детерминант, которые могут способствовать совершению преступления, результатом становится в том числе и занятие высшего места в преступной иерархии.

Как можно судить по приведенным данным, в последние годы вновь происходит рост количества преступлений, совершаемых организованными группами, что подтверждает сделанное ранее предположение.

Оценивая самые важные социальные факторы преступлений, совершенных в соучастии, отдельно могут быть названы отношения даже в идеологической сфере, но также в сфере социальных отношений, экономике, политической сфере. Называемые факторы могут быть признаны базисом общественной социальной жизни общества России на современном этапе, а их взаимосвязь в целом и в частности оказывает влияние, или даже определяет преступное поведение лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Для занявших в преступной иерархии высшее положение лиц одной из ведущих детерминант является сам тот факт, что противоправное поведение стало образом жизни, «профессией». Социальные ценности в таких условиях полностью меняют свою структуру, а уголовно-правовые запреты, страх понести уголовное наказание практически нивелируются, не обеспечивая должного предупредительного воздействия. Занимая высшее положение в преступной иерархии, такие лица могут расценивать себя в качестве «директора», «руководителя», то есть, как лицо, осуществляющее руководство нормальной деловой активностью, только этой «деловой активностью» становится преступная деятельность.

Как дополнительный фактор осуществления преступной деятельности можно рассматривать самовосстановление [4, с. 84]. Такие лица, даже будучи осужденными, не теряют своего «авторитета» в преступном сообществе, получают особое отношение при отбывании наказания и часто сохраняют свой

статус после выхода на свободу. То есть, их преступная деятельность как бы самовосстанавливается, для чего характерно обратное негативное влияние обстоятельств, её обуславливающих. Наиболее сильным образом такие обстоятельства воздействуют на экономику, политику, социальный сектор и т.д.

Исторически тюремная (криминальная) субкультура оказывает сильное влияние на многих осужденных и иных членов общества. Показатели рецидивной преступности в стране в отдельных субъектах Федерации достигают 47% [48]. В среднем по России долгое время сохраняется показатели в виде около 30%, что ни при каких условиях невозможно назвать достаточно хорошим показателем.

В.Ф. Пирожков, разрабатывая проблематику вопроса в криминологии, склоняется к тому, что криминальная субкультура – это совокупность материально-духовных ценностей, регламентирующих образ жизни и преступную деятельность криминальных сообществ [43, с. 223]. Такой подход в большей степени приближен к обыденному пониманию субкультуры, за тем лишь исключением, что речь идет о криминальной среде. В.М. Анисимков склонен использовать другой термин. Автор считает, что криминальная субкультура представляет собой жестокие и жесткие отношения преступного сообщества, порождаемые и регулируемые искаженными ценностями преступников, в основу которой положены «воровские» традиции и обычаи [65, с. 49]. Здесь следует оговориться, что в таком смысле данный термин следует применять в первую очередь к лицам, именно ведущим преступный образ жизни, а не просто впервые совершивших преступление.

На основе приведенных в настоящей части исследования положений делается вывод, что в отношении рассматриваемой категории лиц актуально три уровня преступности: общесоциальный, групповой, индивидуальный. К первой группе факторов могут быть причислены нижеследующие элементы: демографические факторы; экономические факторы; социально-психологические факторы. Среди правовых факторов называют следующие:

обеспечение совершенствования уголовного законодательства, за преступления, совершаемые группой лиц и при соучастии; минимизация пробелов в законах об ответственности участников преступных групп и по ст. 210¹ УК РФ, в частности; обеспечение эффективного применения уголовно-правовых норм о групповых преступлениях, а также по ст. 210¹ УК РФ и др. К организационным могут быть отнесены нижеследующие: недостаточно высокие показатели раскрываемости групповых преступлений; некачественная система исполнения наказаний, что не позволяет реализовать в отношении осужденных все цели уголовного наказания и обеспечить отказ ряда личностей от устойчивого криминального поведения.

Для лиц, занявших в преступной иерархии высшее положение, одной из ведущих детерминант является сам тот факт, что противоправное поведение превратилось стало неотъемлемой частью жизни такого человека, её определяющей; противоправное поведение становится «профессией». Социальные ценности трансформируются, а в отдельных фрагментах полностью утрачивается их влияние, уголовно-правовые запреты, страх понести уголовное наказание практически нивелируются, не обеспечивая должного предупредительного воздействия.

Как дополнительный фактор осуществления преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, можно рассматривать самовосстановление. Такие лица, даже будучи осужденными, не теряют своего «авторитета» в преступном сообществе, получают особое отношение при отбывании наказания и часто сохраняют свой статус после выхода на свободу.

Глава 2 Предупреждение преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

2.1 Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения преступности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

Преступность исторически рассматривается как негативный социальный феномен. Поэтому на определенном этапе было осознано, что данный социальный феномен нуждается в преодолении, а значит, требуется выработка определенной стратегии борьбы с преступностью. Предупреждение преступлений в ходе формирования механизма борьбы с преступностью стало одним из ведущих направлений её преодоления – в процессе развития и появления новых видов преступности формировались также новые меры предупреждения преступлений. Как сложна сама преступность и отдельные лица с криминологической точки зрения, так достаточно сложным является предупреждение преступности и совершения преступлений отдельными лицами. Невозможно обеспечить достаточно качественное предупреждение преступности, не достигнув качественного теоретического обоснования в данной сфере, так как многие вопросы продолжают оставаться достаточно дискуссионными. Таким образом, важно в настоящей части исследования обратить внимание на общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения преступности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, а также на общие основы предупреждения, как важнейшей категории.

Предупреждение преступности представляет межотраслевой интерес. Но в науке данный вопрос по-прежнему остается дискуссионным. То есть, речь идет в первую очередь об отсутствии единого и непротиворечивого понятия «предупреждения преступности». Споры идут даже в той части, какой именно термин было бы правильно применять к такого рода деятельности по

содержанию. Такая ситуация негативным образом сказывается на формировании развернутой системы мер предупреждения преступности и совершения преступлений отдельными лицами.

Предупреждение преступности обладает особым значением, так как оно должно быть ориентированным в первую очередь на практический аспект, на преодоление преступной деятельности. Более того, в таком смысле очевидна потребность не только единой терминологии, но и имеет место необходимость обеспечивать единство системы предупреждения преступности, всех элементов в пределах данной системы.

В.Н. Бурлаков предлагает следующее определение понятия предупреждение преступлений: «... деятельность государства и общества, направленную против преступности с целью удержания ее на минимально возможном уровне посредством воздействия на причины и условия, ее порождающие» [8, с. 62].

Достаточно расширенным образом к терминологии по анализируемому направлению подходит В.Е. Эминов. Автор предлагает рассматривать предупреждение как систему многоуровневого характера в совокупности с субъектами, которые реализуют определенный комплекс мер [29, с. 121]. Направления предупреждения формируются автором в пределах такой модели:

- «на выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин преступности, отдельных ее видов, а также способствующих им условий;
- выявление и устранение ситуаций на определенных территориях или в определенной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений;
- выявление в структуре населения групп повышенного криминального риска и снижение этого риска;
- выявление лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения преступлений, и оказание на них

сдерживающего и корректирующего воздействия, а в случае необходимости – и на их ближайшее окружение» [29, с. 210].

Так как процесс обоснования «предупреждения преступности» идет в науке исторически, можно констатировать наличие не просто множества определений, но и выделившихся разных подходов [29, с. 97]. В части случаев акцент смещен на разработку и непосредственную реализацию мер, направленных на устранение или нейтрализацию причин и условий преступной деятельности. Другие авторы склоняются к необходимости полного отождествления предупреждения и профилактики совершаемых преступлений [41, с. 97]. Достаточно большая группа авторов исключает из предупреждения преступности общесоциальные меры, а иные считают, что эти меры непременно должны входить в систему предупреждения совершаемых преступлений [25, с. 151]. Среди всех названных вопросов одним из наиболее проблемных представляется разграничение предупреждения и профилактики, потому что это достаточно спорный вопрос – имеет место и их сопоставление, выделение, разграничение и т.д.

Как представляется, предупреждение и профилактика преследуют единую цель. Они должны обеспечить не допущение совершения преступления, рецидива преступлений. В то же время, две данные криминологические категории должны быть отграничены при преодолении преступной деятельности занявших в преступной иерархии высшее положение лиц. Профилактика в этой системе должна быть лишь элементом предупреждения, как категории более широкого порядка [25, с. 152]. Предупреждение, таким образом, - это меры, в своей совокупности имеющие направленность на недопущение, предохранение от преступной деятельности таких лиц отдельно взятого человека, все общество и государство в целом. Рассматривая предупреждение как процесс, следует сделать вывод, что предупреждение преступности занявших в преступной иерархии высшее положение представляет собой недопущение за счет выявления, устранения, а также нейтрализации причин и условий, обстоятельств, способствующих

совершению преступлений такими лицами; путем профилактики преступного поведения этими лицами.

Предупреждение всех видов преступности и преступной деятельности всех лиц требует достаточно широкого комплекса мер. В науке имеет место ряд классификаций мер предупреждения преступности, которые заслуживают анализа в пределах отдельных исследований. В части применения мер предупреждения, которые эффективны по отношению к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, видится правильным взять за основную универсальную классификацию, которая актуальна и с научной точки зрения, и с практической. Речь идет о мерах общесоциального характера и специально-криминологических.

Общесоциальные меры и специально-криминологические меры могут рассматриваться как две самостоятельные подсистемы. Они имеют достаточно разные масштабы, разную направленность реализации, как и предполагается реализация тех или иных мер на разных уровнях – от индивидуального до массового [57, с. 79]. Организованная преступность, в которую вовлечены лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, являются такими субъектами, по отношению к которым предполагается применение максимально широкого комплекса мер предупреждения.

С уровнями предупреждения должны быть связаны определенные виды предупреждения. Каждый из видов предупреждения получил свое научное обоснование в криминологии, так как в основном своем количестве они применяются как категории универсального характера [75, с. 2]. Поэтому важно обратиться не к перечню мер предупреждения и их содержанию, а к тому вопросу, каким образом эти меры применимы к лицам, которые занимают высшее положение в преступной иерархии.

Общесоциальное предупреждение совершения преступлений актуально по отношению ко всем видам преступлений. Речь идет о достаточно обширной группе мер, которые обладают достаточно широким действием по той причине, что они направлены на выявление и устранение причин и условий,

способствующих совершению преступлений. Выше были выявлены детерминанты преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. для общесоциального предупреждения совершения преступлений такими лицами актуальна вся система этих детерминант.

Исходя из наличия потребности обеспечивать столь широкое воздействие по большому количеству направлений, вполне логично, что общесоциальное предупреждение в своем содержании реализуется посредством применения мер предупреждения следующего характера:

- экономические меры;
- социальные меры;
- политические меры;
- организационно-управленческие меры;
- правовые меры;
- культурно-воспитательные меры и т.д.

Само название элементов сформированной выше системы позволяет утверждать, что предупреждение в таком контексте осуществляется при широкомасштабном воздействии на неблагоприятные экономические факторы, социальную нестабильность, нравственный кризис и пр. Вполне резонно предполагать, что высокий уровень нравственности и культуры, высокая правовая культура, экономическая стабильность и высокий уровень благосостояния населения, это те показатели, которые позволят минимизировать кражи, грабежи, разбойные нападения, совершение экономических преступлений, а значит, будут падать количественные показатели организованной преступности, утратит необходимость существования такого субъекта, как «вор в законе» и в целом речь будет идти о долгосрочных благоприятных последствиях. В пределах указанной линии называются далеко не все связи, и это далеко не все направления, которые могут быть реализованы с перспективной точки зрения, важно, что вполне понятен механизм действия общесоциальных мер предупреждения, если в

конечном счете будет достигнут успех при их реализации, потому что пока что это не обеспечено.

При всей широте воздействия общесоциальных мер предупреждения, распространенность преступлений и высокие показатели рецидива показывают, что данные меры необоснованно обделяются вниманием при их реализации. Предупреждение преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, может быть вполне успешным, если в этом секторе будут реализованы еще более крупномасштабные меры – блокирование, нейтрализация, уменьшение сферы действия – за счет этого минимизируются социально-экономические причины криминального насилия.

Многоаспектность значения общесоциальных мер предупреждения деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии не ограничена тем, о чем уже было сказано. Реализуемые в таком контексте меры обладают вполне конкретной ценностью – они обеспечивают создание условий благоприятного характера, которые обеспечат предупреждение отдельных фактов преступлений [21, с. 169]. Организованная преступность связана с достаточно большим количеством фактом преступлений, поэтому исключение из такой преступности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии при помощи общего предупреждения перспективно существенным уменьшением количества фактов отдельно совершаемых преступлений, особенно в связи с тем, какое влияние имеют и могут иметь такие лица.

Генеральной предпосылкой обеспечения качества, а главное эффективности применения общесоциальных мер предупреждения преступности, как показывает в том числе и опыт зарубежных стран, должна быть социальная политика [58, с. 58]. Это должна быть не просто достаточно качественная с концептуальной и стратегической точки зрения политика, которая будет задавать определенные ориентиры по поводу культуры быта, семейных ценностей, межличностных отношений, важно создать механизм

полного и повсеместного воплощения этой политики, чего как раз и не хватает в российской практике. Потому что на конституционном уровне, в концепциях и стратегиях, в федеральных законах и всевозможных программах заложены правильные с точки зрения мирового опыта основы политики. А вот механизм их воплощения явно несовершенен, что подтверждается хотя бы показателями рецидивной преступности, достигающей в отдельных регионах 60%, а в среднем этот показатель по РФ достигает 30%, что можно назвать чрезмерно большим показателем. В таких условиях количество лиц, занимающего высшее положение в преступной иерархии, объективно будет только расти.

Многие из общесоциальных мер предупреждения, что нормативно заложены, таким образом, нуждаются в их практическом воплощении.

П.Н. Кобец полагает, что «Еще одной не менее важной стороной общих мер предупреждения преступности является их способность на основе взаимного дополнения имеющихся возможностей не только суммировать эффект антикриминогенного воздействия, но и придать ему новое, более высокое по своей результативности качество. Основное и интенсивное влияние общесоциального предупреждения направлено на причины и условия преступности» [26, с. 197]. Правильным видится тот подход, который предполагает, что общие меры предупреждения преступлений не только суммируют эффект антикриминогенного воздействия, они определяют и задают его. Но разрушить устойчивое целое возможно только путем воздействия на отдельные его части, особенно когда речь идет об исторически устойчивом социальном явлении, частью которого являются лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии.

Специальное предупреждение – это оказание воздействия целенаправленного характера на предупреждение преступности и совершения определенных преступлений [23, с. 230]. Такое предупреждение может быть охарактеризовано посредством его генерального признака – «специальная предназначенность для выявления и устранения причин и условий, других детерминант преступности». Дополнить данный генеральный признак можно

указанием на еще один аспект специального назначения – предотвращение замышляемых и подготавливаемых, пресечение начатых преступлений. Если интерпретировать это положение по отношению к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, то есть должна идти не просто о предотвращении, но и об исключении влияния на отдельные «кластеры» преступного мира, чтобы последние, в свою очередь, не замышляли, не подготавливали, не начинали совершение преступлений. Из этих же параметров вытекает, что специально-криминологические меры должны иметь определенную направленность – они должны разрабатываться и осуществляться исходя из видового параметра преступности, исходя из типологии преступника, а также по отношению к разным сферам общественной жизни, разным социальным группам и т.д. С видовой точки зрения здесь было бы неправильно говорить о закрытом перечне, параметры могут быть существенно расширены. Хотя такая классификация фактически и не упоминается, но, например, нет препятствий для того, чтобы не корректировать специально-криминологическое предупреждение по такому основанию, как вовлеченность в преступную иерархию или невовлеченность в нее, занятие высшего положения в преступной иерархии или нет. Все эти параметры открыты к расширению и использованию их для корректировки специально-криминологического предупреждения, более того, при использовании таковых, они вполне могут обеспечить желаемый уровень предупреждения.

Специально-криминологические меры предупреждения должны рассматриваться как меры в отношении конкретных лиц, которые совершают противоправные деяния [73, с. 135]. Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, нет никаких сомнений, что требуют применения специально-криминологических мер.

На объективную необходимость применения специально-криминологических мер предупреждения в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, указывает множество факторов.

Одним из примеров может быть следующий. Предупреждение преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, обладает комплексным значением по ряду причин. Помимо тех, которые уже были названы, особое значение актуализируется по той причине, что идет предупреждение не просто совершения преступлений, а пресечение оказания сильного влияния на преступный мир [13, с. 84]. Это влияние настолько велико, что даже тогда, когда в отношении таких лиц выносится приговор, то есть, она находятся в учреждении уголовно-исполнительной системы, они, чем есть ряд подтверждений, продолжают находится в статусе «уважаемых субъектов». Такое «уважение», если сотрудники уголовно-исполнительной системы не следуют законам, может обеспечивать послабление режима, обеспечивать свободное общение с преступными элементами и иные всевозможные послабления. В российской практике зафиксированы подобные случаи, в том числе и в последние годы. Поэтому предупреждение совершения преступлений лицами, занимающего высшее положение в преступной иерархии, и оказания ими влияния на преступный мир, не должно заканчиваться с момента осуждения и конвоирования для отбывания наказания в уголовно-исправительное учреждение. В таком контексте роль общесоциальных мер предупреждения достаточно размыта, поэтому возникает необходимость применять специально-криминологические меры.

Помимо универсальных специально-криминологических мер, которые применяются по отношению к разным видам преступности в пределах схожих матричных моделей, лица, которые занимают высшее положение в преступной иерархии, однозначно нуждаются в применении дополнительных и специальных мер предупреждения. Специальные меры должны определяться, в любом случае, комплексным предупреждением, осуществляемым на разных уровнях. Одним из этих уровней и является специально-криминологический.

Специально-криминологические меры в пределах рассматриваемой системы должны обеспечивать устранение криминологических факторов, должны способствовать предупреждению преступности.

Целенаправленность позволяет отграничить специально-криминологические виды предупреждения от общих, так как другие параметры для разграничения фактически едины по смыслу, но различны по количественной составляющей. Аналогичные общим меры могут иметь место и в ходе специально-криминологического предупреждения совершения преступлений лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии. Более того, именно правовые меры для специально-криминологического предупреждения характерны в наиболее полном объеме. Необходимость и правильность реализации группы правовых мер подтверждена тем, что специально-криминологическое предупреждение реализуют в основном государственные органы – они специально создаются для борьбы с преступностью – это полиция, прокуратура, суд и т.д. А деятельность таких органов, нет никакого сомнения, что для достижения законности осуществления должна быть облечена в правовую форму.

Среди основных направлений специально-криминологического предупреждения деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, могут быть обозначены такие, как:

- предупреждение общеуголовных преступлений, как насильственных, так и ненасильственных (разбой, похищения людей, вымогательство, торговля людьми, торговля оружием и пр.);
- предупреждение преступлений, посягающих на здоровье населения и общественную нравственность (незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ);
- предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности;
- предупреждение преступлений, которые отличаются взаимосвязью общеуголовной направленности и экономической преступности и т.д. [8, с. 467]

Сформированный выше перечень не является закрытым. Более того, в пределах каждого из направлений может быть использована индивидуальная система форм и методов предупреждения.

Эффективности специально-криминологической профилактики в анализируемой сфере препятствует множество факторов. Все они также нуждаются в преодолении, как отдельные направления, что также требует пользования определенными формами и методами предупреждения. Например, одним из достаточно серьезных препятствий предупреждения является легализация криминалитета в сфере экономики. Подобная деятельность осуществляется через деятельность предприятий. Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, регулярно оказывают влияние на этих руководителей, способствуя осуществлению незаконных планов, шантажируя и т.д. [68, с. 255]. Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, с особым успехом находят подходы к законопослушным предпринимателям в силу общего страха перед криминалитетом или путем нахождения иных эффективных методов вовлечения в совершение преступлений. Поэтому подобное направление вполне перспективно для реализации специально-криминологического предупреждения.

В последние 20 лет свою эффективность доказало предупреждение преступного влияния лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, посредством такого специально-криминологического средств предупреждения, как вытеснение легализовавшегося криминалитета из сферы экономической деятельности. Все еще проводятся крупномасштабные операции по декриминализации предприятий и объектов экономики. В ряде случаев только такими мерами может быть обеспечено предупреждение преступного влияния и совершения преступлений лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии.

Сеть «Интернет» на данном этапе достаточно эффективно способствует совершению преступлений, а также позволяет лицами, занимающим высшее

положение в преступной иерархии, координировать совершение преступлений удаленно, в том числе и находясь за пределами России [71, с. 152]. Иные аспекты технологического характера также широко внедрились в преступность, обеспечив её развитие, поэтому специально-криминологическое предупреждение также постепенно стало совершенствоваться и приспособляться к подобным условиям, фактически выделившись в одно из направлений предупреждения.

На основе проведенного в настоящем параграфе анализа можно прийти к нижеследующим выводам.

Предупреждение преступности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, - это недопущение путем выявления, устранения, нейтрализации причин, условий, а также обстоятельств, способствующих совершению преступлений данными лицами; путем профилактики преступного поведения этими лицами.

Общесоциальное предупреждение совершения преступлений актуально по отношению ко всем видам преступлений. Оно реализуется посредством применения мер предупреждения следующего характера: экономические меры; социальные меры; политические меры; организационно-управленческие меры; правовые меры; культурно-воспитательные меры и т.д.

Реализуемые общесоциальные меры обладают вполне конкретной ценностью – они обеспечивают создание условий благоприятного характера, которые обеспечат предупреждение отдельных фактов преступлений.

Специальное предупреждение – это оказание воздействия целенаправленного характера на предупреждение преступности и совершения определенных преступлений. Оно может быть охарактеризовано посредством его генерального признака – «специальная предназначенность для выявления и устранения причин и условий, других детерминант преступности». Дополнить данный признак можно указанием на еще один аспект специального назначения – предотвращение замышляемых и подготавливаемых, пресечение начатых преступлений.

Специально-криминологические меры предупреждения должны рассматриваться как меры в отношении конкретных лиц, которые совершают противоправные деяния. Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, объективно требуют применения специально-криминологических мер.

2.2 Пути повышения эффективности предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

Эффективность предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, нет никаких сомнений, что определяется комплексом взаимосвязанных факторов. Предупреждение преступной деятельности таких лиц невозможно ни при каких обстоятельствах без комплексной работы и комплексного совершенствования. Но отдельные меры предупреждения нуждаются с точки зрения совершенствования и повышения их эффективности, как показывает российский опыт, в большем внимании. В настоящем параграфе представляется верным обратить внимание на отдельные меры предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии с точки зрения проблематики, а также некоторые отдельные сложности, которые при разрешении таковых могут позволить существенно улучшить предупреждение.

Борьба с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, требует комплексного предупреждения. Для этого должен быть продолжен процесс реализации общесоциальных мер, но в еще больших масштабах и с поиском куда более эффективных механизмов воплощения тех мероприятий, которые уже значатся на уровне политики.

Эффективность предупреждения по данному направлению определяется множеством условий. Исходя из дифференциации таковых по их значимости,

следует усилить воздействие по таким направлениям: обеспечить достоверность и полноту количественных и качественных показателей преступности; создать систему с целостным обоснованием объектов предупреждения – лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии; наращивание сил и средств, необходимых для усиления предупреждения и профилактического воздействия; включение новых мероприятий по предупреждению только после их полноценного научного обоснования.

Научное обоснование должно быть ведущей идеей совершенствования всех мер, включенных в систему предупреждения [24, с. 34]. Опыт зарубежных стран показывает, что выбор наиболее оптимальных мер на основании научно обоснованных, смоделированных после эмпирических исследований и применения математических методов, показывает достаточно качественные результаты.

Организованная преступность продолжает трансформироваться, меняется и роль лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, меняются даже пути приобретения такого статуса, которые имеют историческую основу. Адаптация к изменению преступности также должна стать одним из главных принципов предупреждения на среднесрочную перспективу.

Ранее был сделан вывод о том, что правовые меры предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, на данном этапе нуждаются в совершенствовании в первую очередь. Когда деятельность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, становится устойчивой, вероятно, достигнуть наилучшего результата по пресечению преступной деятельности можно именно при помощи правовых мер. Здесь прослеживается взаимозависимость двух факторов – качественное нормативно-правовое регулирование и действенных механизмов привлечения виновных к ответственности. Пока что проблемы отмечаются в отношении двух данных элементов. При чем, речь идет о

проблемах привлечения к ответственности не только по ст. 210.1 УК РФ, но и о несовершенстве ряда других составов преступлений, связанных с организованной преступностью.

Основные причины масштабов организованной преступности кроются в нестабильности социума, правовом нигилизме, охватившем все слои общества, в том числе, и структуры власти всех уровней, разрушении системы предупреждения и профилактики преступных деяний. То есть, речь идет о довольно глубоких процессах, изменение сложившейся ситуации, в связи с этим, возможно достигнуть только по результатам реализации широкого комплекса мер и однозначно по прошествии довольно большого периода времени. По всем данным направлениям работа должна вести систематически, чтобы достигнуть высокого уровня развития общества, обеспечить достаточный уровень жизни населения и т.д. Только в таком случае лица, занимающие высокое положение в преступном сообществе, исчезнут как класс.

Сохраняющие проблемы квалификации преступлений, совершаемых организованной группой, продолжают оставаться системными. Именно несовершенство законодательной базы приводят к существенным просчетам в правоприменительной практике. Это подтверждается позициями ряда авторов, а также материалами правоприменительной практики. Ситуация обстоит довольно сложным образом со всеми формами соучастия, что требует кардинальных преобразований в данной сфере. Качество законодательства должно быть обеспечено в первую очередь и необходимость достигнуть это сохраняется по той причине, что сегодня продолжают нарушаться принципы уголовного права, в первую очередь принцип справедливости. Борьба с организованной преступностью оказывает прямое влияние на предупреждение совершения лицами, занимающими высокое положение в преступной иерархии, преступлений, как и оказанием ими влияния на преступное поведение иных лиц [75, с. 2].

При всей значимости косвенно вытекающего из закона определения не только организованной группы, но и самого соучастия, в условиях отсутствия прямого понимания вопроса, как видится, ст. 32 УК РФ изложена не совсем корректно и не с тем названием, которое должно отражать сущность и правовую природу соучастия. Это, в свою очередь, негативно сказывается на квалификации преступлений, совершенных организованной группой. Поэтому предполагается, что следует переименовать эту статью в «Понятие и признаки соучастия». Перспективным направлением при этом следует назвать разработку системы признаков соучастия, которые должны быть включены в эту статью. Данные признаки в правоприменительных интересах целесообразно разделить на две группы: субъективных и объективные признаки. Такой подход позволил бы с большей степенью точности и меньшим количеством проблем определить, какова роль лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в совершении отдельных преступлений.

При выявлении отличий организованной группы от других форм соучастия было доказано, что те критерии, которые применяются в современной правоприменительной практике, в отдельной части противоречивы, а в отдельной недостаточны для того, чтобы обеспечивать точное безошибочное отграничение. Принципиальные сложности возникают при обосновании в правоприменительной практике отличия организованной группы от преступного сообщества, особенно когда речь идет о структурированных организованных группах [70, с. 90]. И проблемы для данной сферы характерны не только по причине отсутствия единой трактовки такого термина, как «структурированность». Помимо того, что Верховный Суд РФ должен обеспечить точное разъяснение этого термина в контексте совершения преступлений организованными группами, видится необходимым обеспечить введение в законодательство легального понимания объединения организованных групп. В этих целях необходимо ч. 4 ст. 35 УК РФ изложить в новой редакции: «4. Преступление признается совершенным преступным

сообществом (преступной организацией), если оно совершено объединением организованных групп с целью занятия преступной деятельностью». Это лишь одно из изменений законодательства, которое должно быть реализовано, но данный сектор требует внимания законодателя по многим другим причинам.

Опыт расследования и раскрытия преступлений показывает, что довольно часто лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, связаны с бандитизмом. При чем, исполнителями этого преступления на момент занятия такого места обычно они не выступают, но могут играть важную роль с точки зрения влияния и координации. Поэтому уголовная ответственность за бандитизм также нуждается в совершенствовании, что способствовало бы преодолению проблем квалификации и в целом бы обеспечивало предупреждение преступной деятельности лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии.

С.А. Жовнир пишет, «что в теории уголовного права существуют разные позиции относительно понимания банды как самостоятельной формы соучастия либо разновидности организованной группы или преступного сообщества. Часть специалистов полагает, что криминологические свойства банды позволяют скорее относить ее к преступному сообществу, нежели к организованной группе» [22, с. 122]. З.Р. Хапсирокова также утверждает, что «среди ученых правоведов нет единого мнения о форме соучастия, к которой относится банда. Одни авторы относят банду к организованной группе, другие – к преступной организации (сообществу), третьи говорят о банде как о совершенно новой форме соучастия - «устойчивая вооруженная группа» [64, с. 514]. Допускается даже возможность рассматривать как банду преступное образование по предварительному сговору.

Проблема указанного выше подхода существенно расширяется за счет наличия большого множества признаков и критериев отграничения одной формы соучастия от другой. Несмотря на сложности, можно вполне достаточно утверждать, что от преступного сообщества банду отличает возможность совершения нетяжких преступлений, в ходе совершения которых

будут иметь место нападения, повлекшие причинение, например, легкого вреда здоровью.

П. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» [45] дает определение понятия «банда», что во многом на момент его вынесения упростило квалификацию данного преступления: «банда это – организованная устойчивая вооруженная группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации». Особая ценность этого определения состоит в том, что в нем раскрыты признаки, которым должна соответствовать банда. Но «нападение» в данном определении указано во множественном числе, если рассматривать прямое его значение в постановлении, хотя практика допускает создание банды, а значит и совершение преступления – бандитизм – для совершения одного нападения, только требующего тщательной подготовки для его совершения по тем или иным причинам. Все другие организованные группы отличаются от банды отсутствием в системе обязательных признаков вооруженности и цели совершения деяния.

Можно сделать промежуточный вывод о том, что банда с видовой точки зрения относится к организованным группам. От иных преступных групп она отличается всего двумя признаками – устойчивостью и вооруженностью, но, конечно же, банде характерны и иные обязательные признаки: участие в банде не менее двух лиц, заранее объединившихся; создание с целью нападения на граждан или организации; деятельность банды направлена на совершение одного или нескольких, преступлений. Все перечисленные признаки, элементы и характеристики позволяют получать уже более точное представление о содержательной составляющей бандитизма, так как они составляют его основу.

В понятие «банда» в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17.01.1997 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» необходимо внести изменения, уточнив, что

банда создается не только для совершения «нападений», что она может быть создана и для одного нападения, такого, которое требует тщательной подготовки. Поэтому необходимо изложить п. 2 Постановления в такой редакции: «банда это – организованная устойчивая вооруженная группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений или одного нападения, требующего тщательной подготовки, на граждан или организации». Такое разъяснение, как представляется, будет способствовать повышению качества квалификации деяний, связанных с преступным влиянием лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, что может способствовать, в том числе и привлечению последних к ответственности.

Уровень коррупции в России остается на достаточно высоком уровне [16, с. 29]. Всевозможные виды коррупционных преступлений также достаточно многочисленны. Некоторые из преступлений в этой сфере, которые связаны с, как кажется, недостаточно высокой степенью общественной опасности, необоснованно обделены вниманием с точки зрения совершенствования уголовной ответственности.

Лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, практически во всех случаях так или иначе вовлечены в коррупционные схемы. В силу особого положения в криминальном мире, а также, обращая внимание, что регулярно такие лица, которые занимают высшее преступное положение в преступной иерархии, перемещаются по странам СНГ, и, регулярно высылаются из отдельных стран, вновь возвращаясь в них в целях расширения преступного влияния, контроля отдельных секторов преступного мира, объективно будет утверждать, что подобное их перемещение всегда связано с поддельными документами. За подделку документов уголовное законодательство устанавливает ответственность в пределах отдельной статьи, но здесь привлекает внимание в первую очередь такое преступление, как служебный подлог. Недостаточно строгая ответственность за данное преступное деяние и в то же время, совершение субъектом преступления таких

действий, как внесение заведомо ложных сведений в официальные документы; внесение такого рода сведений, которые искажают их действительное содержание, могут непосредственным образом способствовать сокрытию лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Конкуренция составов создает самые большие сложности для квалификации [16, с. 29]. Как было сказано, более подробном вопросе об отграничении будет изучен в заключительном параграфе работы, но на этом этапе следует сказать о некоторых проявлениях при совершении других преступлений, которые и влекут сложности. Например, состав дачи взятки по УК РФ сегодня сконструирован таким образом, что действия взяткодателя могут иметь выражение в форме служебного подлога. О корыстном характере действий должностного здесь могут возникать принципиальные сложности квалификации деяний по совокупности. В целях устранения подобной проблематики, необходимо в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.06.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [46] внести изменения путем включения п. 22.1 в такой редакции: «Преступление, предусмотренное статьей 282 УК РФ, если оно совершается должностным лицом при обстоятельствах, указанных в диспозиции статьи 290 УК РФ, следует квалифицировать по правилам статьи 17 УК РФ». Таким образом, благодаря сказанному будет исключаться совокупность, так как её наличие здесь подрывало бы основные принципы уголовного законодательства. А действует такое правило, что ответственность наступает по специальной норме, когда деяние предусмотрено одновременно в специальной и общей норме. Но это лишь одно из многих направлений в сфере совершения коррупционных преступлений. В данном случае должна вестись массовая работа не просто по совершенствованию уголовного законодательства, но, главное, должен быть существенно улучшен механизм воплощения этой ответственности в практической деятельности.

Одной из весьма проблемных с точки зрения квалификации и в принципе применения является ст. 210¹ УК РФ, так как с момента её введение

в действие статистика вынесения приговоров очень мала. Но это не тот случай, когда отсутствуют лица, которые могли бы привлекаться к ответственности, просто отсутствуют. По данным даже правоохранительных органов количество лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, достаточно велико. Л.Д. Гаухман правильно отмечает, что «... сформулированный в ч. 4 ст. 210 не даёт конкретного понимания субъекта преступления, поэтому не может быть применим на практике в силу своего установления и доказывания» [10, с. 505]. В принципе на уровне российского законодательства, в позициях Верховного Суда РФ отсутствует четкое понимание лица, которое занимает высшее положение в преступной иерархии, хотя и разъясняется, что именно следует понимать под руководством преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями.

В.В. Агильдин более расширенным образом подходит к вопросу, утверждения, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии означает, что речь идет о лице, которое находится на самой высокой ступени преступности, что предполагает управление «профессиональной» преступностью [2, с. 167].

А.Я. Гришко дает следующее понятие лидера организованной преступной среды. Автор понимает под такими «... активных криминальных деятелей, доказавших свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющим широкие организаторские функции в преступной среде» [13, с. 85].

Ряд других авторов предлагает свою терминологию в этой части. Но научные позиции ценны именно с научной точки зрения. Достаточно качественная квалификация преступлений в современной практике требует наличия четкого категориального аппарата. Чрезмерная свобода в толковании уголовно-правовой нормы в данном случае не обязательно сыграет положительную роль, особенно в отношении таких предельно оценочных категориях, о которых идет речь.

Понятие лица, которое занимает высшее положение в преступной иерархии, как представляется, должно раскрываться по главным признакам такого субъекта. И речь идет не о признаках личности преступника, по отношению к данному вопросу следует говорить о категориях правового характера.

Н.С. Беркумбаев правильно отмечает, что «... в данном случае надо исходить непосредственно из выполняемых общественно-опасных функций лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Это должно исходить из наличия в действиях лица организаторских побуждений, подразумевающих наличие состава преступления, иначе говоря, лицо нельзя привлекать только из-за того, что оно обладает каким-либо статусом в преступных кругах (наличие статуса еще не подтверждает причастность лица к преступлениям). Поэтому, чтобы не поставить реализацию данной нормы в тупик, необходимо дать чёткую трактовку, установив дефиницию с точным определением субъекта преступления» [6, с. 414].

На необходимость разъяснения ряда категорий при привлечении к ответственности по ст. 210¹ УК РФ указывает и приговор по первому делу после её введения. Так, лицо было привлечено к ответственности, так как суд признал подсудимого «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии» на основании того, что тот был «вором в законе». А факт того, что речь идет об именно таком субъекте, был подтвержден свидетельскими показаниями лицами, приближенного к криминальным структурам. Свидетель показал, что подсудимый пользовался авторитетом в криминальном мире, обсуждал вопросы организации и т.д. Этого, возможно, и достаточно для того, чтобы привлечь к ответственности по ст. 210¹ УК РФ, хотя полной убежденности в этом нет, но явно недостаточно для того, чтобы изобличить преступную деятельность на протяжении длительного периода времени и выявить совершенные таким лицом, при его участии, под его руководством или организацией, ряда других преступлений.

В Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [46] необходимо включить п. 22.1 и изложить его в такой редакции: «Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, является лицом, которое выполняет организаторскую деятельностью (координацию и (или) налаживание связей, построение структуры членства, применение мер по поддержанию дисциплины, сохранению устойчивости) и (или) формирует, распределяет денежные средства внутри преступного сообщества либо финансирует преступную деятельность». Как видится, такой подход вполне соотносим со ст. ст. 210 и 210¹ УК РФ, а наличие четкого ориентира по тому вопросу, какие именно функции выполняет лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, чтобы признаваться таким лицом, позволил увеличить количество случаев привлечения к ответственности по ст. 210¹ УК РФ, так как по субъектному составу перспективы для этого открыты на протяжении длительного периода времени. Правоприменительной практике по ст. 210¹ УК РФ только предстоит сформироваться, поэтому важно продолжить совершенствование конструкции этого состава и ситуативно обеспечивать дачу разъяснений в деятельности Верховного Суда РФ, так как подобные необходимости однозначно будут возникать.

Таким образом, делается вывод, что пути повышения эффективности предупреждения преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, лежат в первую очередь в плоскости совершенствования уголовно-правовых средств предупреждения преступной деятельности лиц по ст. 210¹ УК РФ и их преступного влияния.

Необходимость постоянного обновления и совершенствования, расширения общесоциальных мер предупреждения неоспорима. Это те аспекты, которые нуждаются в совершенствовании до тех пор, пока существует любая преступность. А социально-экономические, политические,

культурные и иные проблемы только подтверждают необходимость сказанного.

Специально-криминологические меры предупреждения должны развиваться в первую очередь в соотношении с современными технологиями. Технологии сегодня способствуют не только совершению преступлений, но и позволяют избежать ответственности. Лица, занимающие высшее преступное положение в преступной иерархии, могут беспрепятственно осуществлять незаконную деятельность, даже находясь за пределами РФ. Поэтому предупреждение должно развиваться по такому направлению, как и по направлению увеличения количества стран, которые могли бы по официальному запросу РФ экстрадировать осужденных. Такая практика способствовал бы преодолению преступности и в России, и распространению влияния преступников в мире.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы о проделанной работе и сформулировать предложения и практические рекомендации.

Установлено, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии – личность, обладающая авторитетом в преступной среде, имеющее высокий преступный статус, признаваемый другими членами преступной среды, которая в любой форме осуществляет управление преступной группой и (или) преступным сообществом (преступной организацией) и (или) организует ее (его) деятельность, в том числе, с использованием законов преступного мира и методов деятельности преступной среды.

Подчеркнуто, что наиболее типичными свойствами лидера преступного сообщества являются следующие: возраст в среднем 35 лет; чаще имеют семью и высокий образовательный уровень; трудоспособны, что касается социальных показателей. О психологических показателях можно сказать следующее: наличие слабых, высших мотивов; небольшой вес моральных убеждений; действенные, устойчивые, непосредственные, поверхностные, сильные, материальные интересы; социальные ориентации; предметно-практические умения; социальные привычки и установки; сангвинистический тип темперамента.

Акцентируется, что в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, одной из ведущих детерминант является сам тот факт, что противоправное поведение превратилось в элемент образа жизни, в «профессиональную» деятельность. Социальные ценности для них являются абсолютно другими, а уголовно-правовые запреты, страх понести уголовное наказание практически нивелируются, не обеспечивая должного предупредительного воздействия.

Как дополнительный фактор осуществления преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, можно рассматривать самовосстановление.

Обосновано, что для повышения эффективности предупреждения по рассмотренному направлению определяется множеством условий. Исходя из дифференциации таковых по их значимости, следует усилить воздействие по таким направлениям: обеспечить достоверность и полноту количественных и качественных показателей преступности; создать систему с целостным обоснованием объектов предупреждения – лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии; наращивание сил и средств, необходимых для усиления предупреждения и профилактического воздействия; включение новых мероприятий по предупреждению только после их полноценного научного обоснования.

Акцентируется, что Верховный Суд РФ должен обеспечить точное разъяснение этого термина в контексте совершения преступлений организованными группами, видится необходимым обеспечить введение в законодательство легального понимания объединения организованных групп. В этих целях необходимо ч. 4 ст. 35 УК РФ изложить в новой редакции: «4. Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено объединением организованных групп с целью занятия преступной деятельностью». Это лишь одно из изменений законодательства, которое должно быть реализовано, но данный сектор требует внимания законодателя по многим другим причинам.

Сделан вывод о том, что в понятие «банда» в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17.01.1997 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» необходимо внести изменения, уточнив, что банда создается не только для совершения «нападений», что она может быть создана и для одного нападения, такого, которое требует тщательной подготовки. Поэтому необходимо изложить п. 2 Постановления в такой редакции: «банда это – организованная устойчивая

вооруженная группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений или одного нападения, требующего тщательной подготовки, на граждан или организации».

Сделан вывод о том, что в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» необходимо включить п. 22.1 и изложить его в такой редакции: «Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, является лицом, которое выполняет организаторскую деятельность (координацию и (или) налаживание связей, построение структуры членства, применение мер по поддержанию дисциплины, сохранению устойчивости) и (или) формирует, распределяет денежные средства внутри преступного сообщества либо финансирует преступную деятельность». Такой подход вполне соотносим со ст.ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, а наличие четкого ориентира по тому вопросу, какие именно функции выполняет лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, чтобы признаваться таким лицом, позволил увеличить количество случаев привлечения к ответственности по ст. 210¹ УК РФ, так как по субъектному составу перспективы для этого открыты на протяжении длительного периода времени. Правоприменительной практике по ст. 210¹ УК РФ только предстоит сформироваться, поэтому важно продолжить совершенствование конструкции этого состава и ситуативно обеспечивать дачу разъяснений в деятельности Верховного Суда РФ, так как подобные необходимости однозначно будут возникать.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия // Закон и право. М., 2000. № 3. С. 4-13.
2. Агильдин В.В. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Young Scientist. 2019. № 24 (262). С. 165-169.
3. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминология: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. 332 с.
4. Анфиногенов В. А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции : дис. ... к.ю.н. Ставрополь, 2016. 215 с.
5. Белоцерковский С.Д. Направления оптимизации уголовного законодательства в контексте оптимизации системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Lex Russica. 2018. № 5. С. 97-103.
6. Беркумбаев Н.С., Егоров А.Р. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблема квалификации и правоприменения // Вопросы российской юстиции. 2020. С. 413-422.
7. Бородин С.В. Свойства личности преступника. Программа борьбы с преступностью. М., 1993. 319 с.
8. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. С. 465-476.
9. Васильченко А.А. Современные проблемы Российской уголовно-правовой политики в сфере борьбы со взяточничеством // Право и современные государства. 2015. № 10. С. 12-15.
10. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2015. 557 с.
11. Гомонов Н.Д., Труш В.М., Пирогов П.П., Тимохов В.П. Детерминанты преступного поведения // Юридическая наука. 2020. № 3. С. 21-25.

12. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 7. С. 30-35.

13. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. С. 84-88.

14. Громов В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация : дис. ... д.ю.н. Саратов : СЮИ МВД РФ, 2009. 442 с.

15. Гула Л.Ф. Детерминанты совершения преступлений организованными преступными группами // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 10. С. 29-33.

16. Давитадзе М.Л. Служебный подлог // Вестник экономической безопасности. 2019. № 8. С. 27-30.

17. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток: ВЮИ, 1970. 480 с.

18. Долгова А.И. Криминология. М., 2007. 395 с.

19. Дудкина Е.И. Пути совершенствования профилактического воздействия на организованную преступность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. С. 168-171.

20. Дяблова Ю.Л. Основные подходы к изучению личности в криминалистике и в других науках // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2011. № 5. С. 9-14.

21. Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979. 163 с.

22. Жовнир С.А. Понятие и признаки банды // Труды Оренбургского института (филиала) московской государственной юридической академии. 2018. № 37. С. 118-137.

23. Иванцов С.В. Актуальные вопросы развития системы субъектов предупреждения организованной преступности: состояние и перспективы совершенствования // Вопросы управления. 2014. С. 229-235.
24. Исмагилова Р.Р., Уторов О. Р. Проблемы противодействия организованной преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. С. 33-37.
25. Кобец П.Н. Понятие и структура мер, предупреждения преступности // Инновационная наука. 2016. С. 151-152.
26. Кобец П.Н. Предупреждение преступности: теоретические аспекты // Символ науки. 2015. № 8. С. 197-199.
27. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 25.12.1993.
28. Косарев В.Н. Структура и типология личности преступника и их значение для правоохранительных органов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 7. С. 85-92.
29. Криминология / Под. ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2000. 427 с.
30. Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998. 309 с.
31. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учеб. пособие. М., 1998. 216 с.
32. Кузнецова Н.Ф. Криминология : учебник. М., 1988. 384 с.
33. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М., 1989. 316 с.
34. Личность организованного преступника криминологическое исследование монография / Под ред. А.И. Долговой. М., 2013. 493 с.
35. Метелев А.В. Криминальная субкультура : учебно-методическое пособие. Ижевск : Ижевский филиал Нижегородской академии МВД России, 2009. 70 с.

36. Миньковский Г.М. Методологические и методические аспекты изучения личности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1977. 501 с.
37. Москва. Приговор по статье о преступной иерархии. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/730439> / (дата обращения: 14.04.2021).
38. Муравьев С.И. Актуальные проблемы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии и пути их преодоления // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 783-793.
39. Пантюхина И.В., Ларина Л Ю. Проблемы регламентации применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) // Lex Russica. 2020. № 10. С. 159-170.
40. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. ЛГУ. 1965. 227 с.
41. Петренко А.В. О понятии предупреждения преступлений // Вестник Международного института экономики и права. 2011. С. 92-100.
42. Петров С.В. Преступное сообщество и преступная организация: вопросы соотношения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3. С. 29-39.
43. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. / М., 2001. 417 с.
44. Подлеских Г., Терешонок А. Воры в законе: Бросок к власти. М. : Вече, 1995. 608 с.
45. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Российская газета. 30.01.1997. № 128.
46. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.06.2014 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 17.06.2013. № 154.
47. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об

организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Российская газета. 17.06.2010. № 130.

48. Предварительно расследовано особо тяжких преступлений, совершенных организованной группой. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 14.04.2021).

49. Романова С.А. Личность преступника: прошлые догмы и новые подходы // Академическая мысль. 2018. № 10. С. 23-25.

50. Рыженкова Е.В. Типологии личности преступника в криминологии // Инновационная наука. 2017. № 1. С. 44-48.

51. Салимгареева А.Р. Проблема установления в российском уголовном праве юридической природы соучастия в преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4. С. 69-72.

52. Севастьянов Д.Л. Личность организованного преступника (ст. 210 УК РФ) // Человек : преступление и наказание. 2012. № 1. С. 30-35.

53. Семенов В.Р., Гришин Н. С. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного статьей 210¹ УК РФ // Закон и право. 2019. № 8. С. 75-76.

54. Стукалова Т.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания. URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.105> (дата обращения: 14.04.2021).

55. Твердохлебова Э. В., Самойлова А. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы и перспективы // Colloquium-journal. 2020. С. 96-98.

56. Тирских А.А., Сухов С.В. Современный криминальный профессионализм: проблемы противодействия: учебное пособие. / М. : ВНИИ МВД России, 2011. 64 с.

57. Тишкин Д.Н. Основные направления противодействия организованной преступности в контексте преодоления угроз национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. С. 77-81.

58. Тишкин Д.Н. Государственная политика по борьбе с организованной преступностью в России: оценка эффективности // Философия права. 2016. № 5. С. 57-62.

59. Трунцевский Ю.В., Сухаренко А.Н. Правовое регулирование борьбы с «ворами в законе» в странах СНГ // Международное публичное и частное право. 2016. № 2. С. 43-47.

60. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

61. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6228.

62. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26. Ст. 3851.

63. Федореев П.Р. Отрицательно характеризующиеся осужденные в местах лишения свободы: дис. ... к.ю.н. Рязань, 2005. 170 с.

64. Хапсирокова З.Р. Понятие и признаки банды в уголовном праве России // Молодой ученый. 2016. № 26. С. 513-516.

65. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 46-52.

66. Хлебницына Е.А., Шершакова Е. К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 137-142.

67. Цеева С.К. Личности преступника: понятие, структура и типология // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 12. С. 95-102.

68. Шакирьянов М.М. Противодействие организованной преступности: Российский и зарубежный опыт // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 254-259.

69. Шалагин А.Е. Криминальная среда как объект криминологических исследований // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5 (17). С. 69-74.

70. Шалагин А.Е., Шляхтин Е.П. Проблемы предупреждения и противодействия организованной преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 88-94.

71. Шегабудинов Р.Ш. Концептуальные основы противодействия организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 145-154.

72. Яковлев Н.А. Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации ее негативного влияния: дис. ... к.ю.н. Елец : ЕГУ, 2006. 228 с.

73. Яковлева М.А. К вопросу о правовом регулировании механизма профилактики преступности // Ленинградский юридический журнал. 2017. С. 129-138.

74. Ярмыш Н.Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой анализ): монография. Харьков, 2003. 512 с.

75. Яшин А.В. Некоторые проблемы предупреждения преступлений, совершаемых организованными группами или преступными сообществами // Наука. Общество. Государство. 2016. С. 1-7.